

Е. А. КУЛИШ, И. И. МОЧАЛОВ, В. И. ОНОПРИЕНКО

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН... *

Несколько озадачивающее название нашего очерка читателем, скорее всего, будет отнесено непосредственно к автору перечисленных пяти книг «Дневников», увидевших свет в последние тринадцать лет, – академику Владимиру Ивановичу Вернадскому. И по-своему читатель будет, безусловно, прав. Однако в данном случае нас интересует нечто иное. Попытаемся подойти к этому «нечто» несколько издалека.

В апреле 1985 г., после восьмилетнего перерыва, по инициативе вице-президента АН СССР А. Л. Яншина и академика-секретаря Отделения наук о Земле Б. С. Соколова возобновила свою деятельность Комиссия АН СССР по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского. Яншин был утвержден ее председателем, и комиссия начала подготовку к изданию полного собрания сочинений Вернадского в рамках серии, получившей название «Библиотека трудов академика В. И. Вернадского».

В ходе этой работы была составлена полная опись его опубликованных произведений и проведена сортировка последних по темам. Был оценен объем неопубликованного наследия ученого в архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Праги, Парижа и Йельского университета (США) и предприняты меры для получения копий писем из зарубежных архивов. Так, в 1989 г. благодаря содействию известного историка науки А. П. Юшкевича удалось получить из архивов Парижа ксерокопии и фотокопии всей переписки Вернадского с французскими учеными, а также из архива Йельского университета часть его переписки с сыном Георгием. В результате появился план полного собрания сочинений Вернадского в 17 томах, каждый объемом от 35 до 60 авторских листов, а для каждого тома в отдельности составлено оглавление и написана аннотация. Проект обсуждался на заседании Комиссии АН СССР по разработке научного наследия академика В. И. Вернадского, после чего был утвержден на пленуме Научно-издательского совета академии.

В 1990-е гг. комиссия работала в крайне неблагоприятных условиях. Яншин находился в постоянном поиске средств для издания очередных томов «Библиотеки». Некоторые из них удалось издать при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

* Обзор книг: *Вернадский В. И. Дневники. Март 1921 – август 1925* / Сост. и отв. ред. В. П. Волков. М., 1998; *Вернадский В. И. Дневники. 1926–1934* / Сост. и отв. ред. В. П. Волков. М., 2001; *Вернадский В. И. Дневники. 1935–1941: в 2 кн.* / Сост. и отв. ред. В. П. Волков. М., 2006. Кн. 1. 1935–1938; Кн. 2. 1939–1941; *Вернадский В. И. Дневники. 1941–1943* / Сост. и отв. ред. В. П. Волков. М., 2010.

Издание было осуществлено в самое трудное для науки России время не-большим, сплоченным общей целью и энтузиазмом коллективом единомышленников Яншина. Это были В. П. Волков, С. Н. Жидовинов, Л. М. Янгель, В. С. Чесноков и Ф. Т. Яншина, которая стала правой рукой Александра Леонидовича. Безусловно, это был подвиг. Благодаря энергии и целеустремленности Яншина удалось преодолеть многие, почти неразрешимые проблемы. Конечно, тома подготовлены по-разному, одни прокомментированы лучше, другие слабее. В более благоприятных условиях можно было бы этот уровень подготовки поднять, многое усовершенствовать. Но Александр Леонидович прекрасно понимал, что надо спешить, использовать добытый им с таким трудом шанс. Результат налицо: «Библиотека трудов академика В. И. Вернадского» стала явлением культуры.

Издание дневников Вернадского в «Библиотеке» вначале не предполагалось – чересчур трудоемкой была задача. Инициатива издания первых двух томов дневников принадлежала Украинской академии наук, где они вышли в 1994 и 1997 гг. и быстро стали библиографической редкостью. Таковыми они остаются и по сей день ¹.

Очевидный успех украинского издания дневников Вернадского побудил редакционную коллегию «Библиотеки» пересмотреть свое прежнее решение и приступить к публикации в ее рамках дневников в качестве продолжения того, что уже было издано в Киеве. В значительной степени благодаря «украинским томам» дневников Вернадского была еще глубже осознана их значимость как нашего общего – украинцев и русских – историко-культурного достояния.

Напомним, что Владимир Иванович вел дневник на протяжении всей сознательной жизни, с 1874 по 1944 г. Последняя запись сделана им 24 декабря 1944 г. за сутки до инсульта, увы, ставшего роковым...

Естественно, после выхода в свет на Украине ранних дневников Вернадского встал вопрос о публикации его дневниковых записей 1921–1944 гг. За решение этой сложнейшей задачи взялся доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского (ГЕОХИ) РАН Владислав Павлович Волков. На собственном примере он доказал, что и один в поле может быть воином.

Вот что говорит о себе сам Владислав Павлович:

Начал я работать в ГЕОХИ АН СССР, куда поступил с университетской скамьи, в качестве геолога-геохимика, затем много лет был участником советской космической программы по исследованию планеты Венера. С 1979 г. я понемногу начал работать «для души» над неопубликованными трудами В. И. Вернадского. Появились некоторые наработки, и я взял на себя смелость выступить весной 1993 г. на юбилейном заседании в МГУ, посвященном Вернадскому, с докладом «В. И. Вернадский как общественный и политический деятель».

¹ *Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920* / Сост. М. Ю. Сорокина, С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская. Киев, 1994; *Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Январь 1920 – март 1921* / Сост. М. Ю. Сорокина, С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская. Киев, 1997.

После доклада состоялся мой первый разговор с присутствовавшим на заседании А. Л. Яншиным, который предложил мне сменить сферу научных интересов и *профессионально* (курсив наш. – Е. К., И. М., В. О.) заняться публикацией наследия В. И. Вернадского. Я последовал его совету...²

Отвечая на заданный ему несколько лет назад вопрос: в какой роли он видит себя в связи с дневниками Вернадского, Владислав Павлович – человек исключительной скромности – произнес одно единственное слово: «публикатор». Это так, но не только. Волков не просто публикатор, он также исследователь и организатор.

В этом убеждаешься, прежде всего, изучив его комментарии к дневникам, многие из которых по объему и глубине соперничают с научными эссе. Здесь публикатор, следуя за Вернадским, вступает с ним в диалог, в чем-то продолжая его размышления, доводя их при необходимости до современного уровня знаний, в чем-то уточняя, а в чем-то не соглашаясь с ними, вступая в полемику со своим героем. Но в любом случае Волков, как правило, стремится уйти от «окончательных» решений, оставаясь в проблемном поле, очерчиваемом Вернадским, для которого именно проблемность мышления была самой глубокой, самой характерной чертой его личности как ученого и философа. Кроме того, Волкову пришлось преодолеть большие технические трудности при издании дневников – почерк Вернадского, четкий и аккуратный в молодые и зрелые годы, сильно испортился в старости. Преодолеть возникающие в процессе издания дневников трудности Волкову помог собранный им коллектив советников-консультантов, помогавший ему как в поисках необходимой для комментариев и примечаний информации, так и в работе по расшифровке «каракуль» старого академика. Наконец, огромен вклад Волкова в популяризацию наследия Вернадского. Здесь возможны два пути, и обоими Волков активно пользуется. Первый путь – опережающая, еще до выхода в свет книг дневников Вернадского, публикация отобранных выдержек из них в российских журналах «Исторический архив», «Культура и время», «Человек» и т. д. Второй – выступления публикатора по материалам дневников Вернадского в различных аудиториях, например, в московском Доме ученых, ИИЕТ и ГЕО-ХИ РАН, Музее В. В. Маяковского, Архиве РАН.

Дневники Вернадского охватывают период его напряженной научной и научно-организационной деятельности в области наук о Земле – биогеохимии, радиогеологии и других – и позволяют узнать много нового о его жизни, зарождении и развитии его идей, интимных мыслях и чувствах, понятно, не нашедших отражения в научных работах, но сильно на них влиявших. В них отражены сложные социально-политические процессы, происходившие в СССР в период свертывания НЭПа, форсированной коллективизации, индустриализации, массовых репрессий, Великой Отечественной войны.

Также они содержат ценнейшие сведения о процессе организации и становления Украинской академии наук, материалы с оценками украинских и

² Волков В. П. Александр Леонидович сыграл в моей жизни исключительную роль // Академик Александр Леонидович Яншин. Воспоминания. Материалы. В 2 кн. / Отв. ред. Б. С. Соколов. М., 2005. Кн. 2. С. 12–13.

российских ученых, освещают переломный период превращения Российской академии наук – корпоративного собрания ученых – в государственную структуру – Академию наук СССР, строение и устав которой были полностью подчинены сложившейся в стране с начала 1930-х гг. тоталитарной системе.

В дневниках Владимира Ивановича, поскольку он отнюдь не предполагал и, скорее всего, не желал их публикации, есть весьма резкие оценки также и тех деятелей науки, которые вошли в историю науки XX в., – А. Ф. Иоффе, Н. Н. Семенова, К. А. Тимирязева, А. Д. Архангельского, И. М. Губкина, украинских ученых А. Е. Крымского, М. С. Грушевского, П. А. Тутковского и других. Отмечая их заслуги в науке и ее организации, В. И. Вернадский нелицеприятно и остро говорит о нравственных изъянах этих людей. Вследствие этого и в наши дни при включении дневников в так называемый «научный оборот» встречается желание подправить оценки Вернадского, исключить из них характеристики тех или иных персонажей. Таков уж «менталитет» редакторов и современного, как иногда говорят, «переходного» общества.

Одним из нас уже отмечалась ценность рукописного наследия Вернадского для историографов науки³, стремящихся к достижению максимальной объективности при освещении обширного противоречивого и пока не получившего удовлетворительной оценки советского периода истории украинской и российской науки, но также ставящего, кроме создания хронографической летописи, задачу воссоздания существовавшей во времена Вернадского атмосферы высокого напряжения внутри научного сообщества, во взаимоотношениях науки и общества, науки и власти. Трудно назвать другой, столь масштабный, информативный и аксиологически окрашенный массив документов, на котором есть возможность хотя бы отчасти проверить различные предположения и гипотезы относительно мотиваций деятельности ученых, амбиций, личных пристрастий, взаимных привязанностей и неприязни, оценок результатов исследований, принадлежности к различным группировкам и мотивов участия в них, прагматичности, бескомпромиссности и заигрываний с властными структурами, озабоченности перспективами своего направления и себя лично, истины и карьеры и т. п.

Дневники Вернадского – уникальнейшие свидетельства самосознания науки. Под этим – социально-философским – углом зрения они, безусловно, заслуживают специального анализа. Благодаря усилиям Волкова в книги дневников Вернадского кроме текущих подневных записей включены также записи, которые делались параллельно или годы спустя и предназначались Вернадским для книги мемуаров «Пережитое и передуманное». К сожалению, замысел этот так и не был осуществлен. Тема эта также могла бы стать предметом самостоятельного исследования.

Но вернемся на мгновение к началу нашего очерка и скажем о Волкове-публикаторе еще раз, но в ином ракурсе. Благодаря ему перед читателем – историком науки и историком общественной жизни, просто культурным человеком – открываются ценнейшие исторические свидетельства эпохи.

³ Оноприенко В. И. История Академии наук Украины в дневниках и письмах В. И. Вернадского // Наука и науковедение. Киев. 2008. № 4. С. 19–31.

Владислав Павлович не только вписывает весьма разрозненные записи Вернадского в историко-культурный контекст, он часто в своих примечаниях и комментариях исправляет неточности самого ученого, «абerrации памяти», ошибки оценок и т. д. Все это сделано на высоком научном уровне, со ссылками на документы и свидетельства. Публикатор как бы ведет внутреннюю полемику и с самим автором, и с его оппонентами. Все это повышает драматическую напряженность текстов и позволяет держать в напряжении внимание читателя.

Поражает объем поисковой работы при подготовке примечаний и комментариев. Найти материал к сотням имен, упоминаемым в текстах дневников, было невероятно трудно после десятилетий забвения, войн, революций, голода, репрессий, эмиграции... Тем не менее, Владиславу Павловичу это удалось. Примечательно, что от тома к тому, от книги к книге возрастает эрудиция публикатора, растет его способность отыскивать то, что, казалось бы, разыскать просто невозможно.

Например, комментируя письмо Вернадского академикам В. Л. Комарову, А. Ф. Иоффе и В. Г. Хлопину (13 марта 1943 г.), Волков пишет:

Текст этого письма впервые был опубликован с небольшими сокращениями еще в 1982 в научной биографии В. И. Вернадского, написанной И. И. Мочаловым (М.: Наука, 1982. С. 355–356), затем перепечатывался в 1989 (*Вернадский В. И.* Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия. С. 609–611), в 1998 (Атомный проект СССР. М.: Наука; Физматлит. Т. 1. 1938–1945. С. 322–323) без комментариев. Наконец, письмо еще раз было перепечатано в книге: *Вернадский В. И.* О науке. Т. II. СПб.: РХГУ, 2002. С. 540–542 с комментарием, в котором, однако, не было обращено внимание на то, что письмо показывает неинформированность и отъединенность В. И. Вернадского от всех дел по Атомному проекту, главным инициатором которого он выступил летом 1940. Кроме того, по нашему мнению, текст письма окончательно разрушает апокрифическую легенду о встрече В. И. Вернадского с И. В. Сталиным в середине 1942, после которой было принято решение о чрезвычайных мерах по организации Советского атомного проекта. Версия о спецсамолете, якобы посланном за В. И. Вернадским в Боровое для полета в Москву на историческую встречу с вождем, многократно тиражировалась в СМИ, кинематографе и научно-популярных статьях. Письмо показывает, что в марте 1943 В. И. Вернадский совершенно не знал о событиях, происшедших в обстановке глубокой секретности: 27.XI.1942 ГОКО СССР в своем секретном постановлении поручил Наркомату цветной металлургии, с которым безуспешно воевал Владимир Иванович еще за неделю до войны, немедленно организовать добычу и переработку урановой руды, а 15.II.1943 была создана Лаборатория № 2 под руководством проф. И. В. Курчатова (предполагается, что по рекомендации академика А. Ф. Иоффе – оба члены бездействовавшей с лета 1941 Урановой комиссии, созданной в начале 1940). Однако чисто геологическая часть Атомного проекта по настоятельной просьбе И. В. Курчатова начала реализовываться только 8.XII.1944 в форме организации уранодобывающих предприятий на базе Среднеазиатских месторождений урана. Эти рудники были подчинены 9-му управлению НКВД СССР (замнаркомвнудел А. П. Завенягин). Таким

образом очевидно, что престарелого академика В. И. Вернадского в 1942–1943 гг. никто к Атомному проекту не привлекал (курсив наш. – Е. К., И. М., В. О.)⁴.

Или вот еще пример: 15 мая 1942 г. Вернадский излагает свое мнение об академике А. Ф. Иоффе. Запись довольно пространная, плюсы и минусы как отмечаемых Вернадским черт характера, так и научных трудов Иоффе, соседствуют рядом. В частности, Вернадский пишет:

Несомненно, это человек талантливый [...] В 1920-х годах у него была мания проектов будущего⁵.

Из комментария В. П. Волкова:

Что касается «мании проектов будущего», то не исключено, то речь идет о ряде футурологических статей А. Ф. Иоффе в популярных изданиях в 20–30 гг., в которых он стремился пропагандировать достижения физики для построения социалистической системы народного хозяйства, а также поддерживал идеологические стимулы интенсификации научной деятельности. Например, он писал: «Методы ударничества и социалистического соревнования, испытанные уже в трудных условиях нашего хозяйства, должны быть по тем же основаниям использоваться и в научной работе. Их сочетание с плановостью еще больше оттенит узловые проблемы и ускорит темпы развития науки» (Иоффе А. Ф. Переделка мира // Фронт науки и техники. 1931. № 6. С. 27–30). Нетрудно видеть, что подобные подходы к организации научной работы не имели ничего общего с позицией В. И. Вернадского. В скобках отметим, что особенно карикатурную форму приняло «соцсоревнование», в конечном итоге «внедренное» в АН СССР в 70–80-х гг. Оно ни в малейшей степени не помогло научной деятельности, зато отвлекло массу времени ученых АН на сочинение многостраничных отчетов и «ведомостей подсчета баллов», заработанных в ходе «соревнования»⁶.

Одна из главных тем только что вышедшего из печати тома дневников В. И. Вернадского 1941–1943 годов – война. Ее Вернадский переживал как великое народное бедствие. Он оказался в той группе академиков, которые были эвакуированы в санаторий Боровое в Северном Казахстане. Здесь Вернадский нашел, учитывая все лишения военного времени, условия, в целом позволившие продолжить активную исследовательскую работу и среду, в которой он мог обсуждать и широкий круг научных проблем, и вопросы организации АН СССР, и события на фронтах Великой Отечественной войны. Среди его собеседников следует особо упомянуть Л. И. Мандельштама, Л. С. Берга, Н. Д. Зелинского, Ф. И. Щербатского.

Дневники пронизаны постоянным стремлением получить надежные сведения о происходящих на фронтах событиях, сетованиями на бездарность советских газет и радио, распространяющих искаженную или прямо ложную

⁴ Вернадский. Дневники. 1941–1943... С. 496.

⁵ Там же. С. 312–313.

⁶ Там же. С. 328.

информацию. О многом приходилось догадываться, не брезгуя слухами, приходиться к собственным выводам.

И, наряду с этим, – тревожные размышления о стране, ее внутреннем положении, ее будущем.

7 сентября 1942 г. Начинает выясняться более правдивая картина войны, чем это дается нашими официозами или нашей печатью.

Немцы рассчитывали на большее – и этот расчет провалился. Но слабые стороны современного режима проявились и отразились.

Более низкий – в среднем – уровень партии, в которую стремятся все элементы, которые хотят жить сытно – в партийной среде все карьеристы, в житейской – все воры и дельцы. Меня в научных учреждениях поражает явно более высокий уровень беспартийных. Но затем недовольство – с одной стороны, вследствие массы страдающих людей невинных – верующих, так называемых «кулаков» и тому подобное.

Инквизиционная система определенно преступна – вплоть до пыток временами и местами.

[...] Ростов был взят не изменой, но через неуничтоженный мост немцы пробились. Это начало большого прорыва. По-видимому, вина командования ⁷.

Из комментария В. П. Волкова:

Немецкое наступление против войск Южного (командующий Р. Я. Малиновский) и Юго-западного (командующий маршал С. К. Тимошенко) фронтов, началось из района Северного Донбасса 7.VII.1942; после ожесточенных боев Красная Армия оставила Ростов-на-Дону (24.VII). Стабилизировать фронт удалось лишь на дальних подступах (80–100 км) к Сталинграду. Это отступление было самым критическим моментом Великой Отечественной войны, но ни о какой «измене командования» речи быть не могло. В 1965 г. К. М. Симонов, прошедший всю войну военным корреспондентом, в полемике со скульптором Е. Вучетичем, отстаивавшим фигуру умолчания в освещении истории войны, писал: «Привели нас на берег Волги не те или иные имевшие место на войне неприятные случаи, а куда более грязные исторические причины, в первую очередь связанные с тем, что мы теперь называем культом личности» (Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. 1942–1945 гг. М.: Грифон, 2005. С. 653) ⁸.

2 декабря 1942 г. Очень чувствуется вред вмешательства государства и дороговизна диктатуры партии. Она здесь очень слаба.

Спыхватились о соли – а около Борового – озера, которые дают соль.

Нет керосина, спичек, постоянного хлеба, сейчас сахара. Картофеля прекрасный урожай и организованный сбор (повинность) – но заморожен в холодном помещении.

Немного гулял. Думаю об организации научной работы в государственном масштабе после окончания войны ⁹.

⁷ Там же. С. 265.

⁸ Там же. С. 266.

⁹ Там же. С. 281.

В Боровое продолжали прибывать эвакуированные ученые из Москвы и блокадного Ленинграда. Вернадский выхлопотал своей помощнице А. Д. Шаховской командировку в только что освобожденный Малоярославец, где пережили кратковременную, но тяжелую оккупацию ее близкие. Много информации он получал и из многочисленных писем. Впечатляют приводимые в дневниках сведения о панике в Москве при приближении к ней немецких войск. Несмотря на обилие новой информации о ленинградской блокаде, материалы дневника об этой великой трагедии дают много нового и в конкретных чертах, и в понимании ее. Для Вернадского трагедия Ленинграда – это гибель многих друзей и коллег по Академии наук и общественно-политической деятельности, рассказанная близкими ему людьми.

Подойдя к завершению настоящего очерка, мы полагаем оправданным и целесообразным обратиться к сравнительно давней статье Волкова, очень созвучной и нашим дням и затронутым в очерке темам. Вот некоторые выдержки из нее:

Дневники в старой России вело великое множество людей. Ежедневные записи событий можно считать традиционным элементом быта образованного человека, равно как и обстоятельные письма любимым, друзьям, коллегам. К концу века двадцатого – а «это время трудновато для пера» – дневник становится реликтом, памятником культуры, почти как новгородские берестяные грамоты...

[...] На наш взгляд, вполне правомерно считать, что дневниковые записи, делавшиеся Вернадским не для постороннего читателя, *осознанно предполагались (вместе с многочисленными материалами личного архива) для возможного использования последующими поколениями.*

[...] Жизнь и научное творчество Вернадского стали в последние годы объектом пристального внимания, изучения и интерпретации отечественных и зарубежных исследователей различных областей знаний. Многие выводы обосновываются при этом не всегда корректными ссылками, субъективным и неполным цитированием документальных источников, в том числе писем и дневниковых записей. Однако, по нашему мнению, *взгляды и деятельность Вернадского не нуждаются в какой-либо защите или осуждении, сопряженными с крайними оценками. Они как факт, как явление человеческого разума занимают свое историческое место, а во многом могут претендовать и на ведущие позиции в будущем (курсив наш. – Е. К., И. М., В. О.)*¹⁰.

В настоящее время Владислав Павлович готовит к изданию последнюю – шестую – книгу дневников Вернадского 1921–1944 гг., и мы желаем ему завершить труд над этой уникальной серией с тем же успехом, с каким 15 лет тому назад он был им начат.

¹⁰ Волков В. П. Слово к читателю // Вернадский. Дневники 1917–1921... С. 3–4.